

ПОПУТЧИКЪ.

(Изъ воспоминаній миссіонера въ Китаѣ).

Вагонъ 2-го класса, въ которомъ мнѣ пришлось помѣститься на станціи Ланфанъ по Пекинъ-Тяньцзинской желѣзной дорогѣ, былъ уже переполненъ пассажирами. Здѣсь были представители чуть-ли не всѣхъ болѣе значительныхъ національностей въ мірѣ. Короткія лавочки вагона съ высокими спинками, въ видѣ отвѣсныхъ перегородокъ, служили временными границами національностей. Впрочемъ общество было настолько развязно, что не стѣснялось вообще никакими границами. Это были по большей части нижніе чины европейскихъ отрядовъ, расположенныхъ по линии дороги. Вотъ двое Индѣйцевъ перекладываютъ почтовые сумы. Въ рукахъ у нихъ пачки пакетовъ, подъ мышками тоже. Одѣты они въ военную форму англійскаго покроя, лишь смуглыя лица ихъ съ черными выразительными глазами, да высокій статный ростъ, да чалмы на головахъ обнаруживаютъ въ нихъ южныхъ азіатовъ. Дальше трое Нѣмцевъ, тоже съ пакетами и съ собакой. Два Японца стоятъ у окна. За ними видны кепи Французовъ. Тамъ Итальянцы въ красныхъ фескахъ и синихъ плащахъ. Въ углу прижались Китайцы, сидя на своихъ тюкахъ съ товаромъ. Здѣсь—еще нѣсколько солдатъ не то Австрійцевъ, не то Галландцевъ. Долговязый Американецъ въ короткой курткѣ и сѣрой шляпѣ занялъ двѣ лавочки, перегородивъ ногами узкій корридоръ вагона.

Черезъ густое облако табачнаго дыма я замѣтилъ желтый околышъ фуражки забайкальскаго казака. Онъ сидѣлъ у

стѣнки въ сторонѣ отъ другихъ и, разославъ шинель на лавочкѣ, бережно разворачиваль газетную бумагу, доставая оттуда краюшку чернаго хлѣба. Я протѣснился къ казаку, поздоровался съ нимъ, спросилъ:

— Ты куда, служба, ѣдешь?

Казакъ встрепенулся, вытянулся во весь ростъ и пробормоталъ скороговоркой:

— Въ Тяньцзинь, ваше бл-іе.

— Аль пакетъ везешь? Да я тебя, кажется, видѣль въ Пекинѣ?

— Точно такъ, отвѣтилъ онъ, я изъ Пекина и ѣду, „патреть“ везу.

— Что за портреть?

— Китайской Царицы, матери ихняго государя патреть. Ей, слышно, семьдесятъ лѣтъ стукнуло, такъ, вотъ у ней праздникъ былъ, наши господа были на праздникѣ, это она имъ въ благодарность патреть то и подарила.

— А въ Тяньцзинь зачѣмъ везешь?

— Къ господину консулу: слышно, въ Питерь посылать будутъ.

— Портреть-то ты видѣль-ли? Какъ она изъ себя кажется, старуха?

— Какъ обыкновенно, китайка, все обличье китайское, сидитъ она за столомъ, сзади—зеркало, сверху—павлиньи перья, сбоку цвѣтки стоятъ въ горшкахъ, по столамъ и скамьямъ яблоки горами на блюдахъ разложены, нравится ей—какъ яблоки пахнутъ. Ну, платье на ней богатое, все въ жемчугахъ... самъ-то я, правду сказать, не видалъ портрета, это мнѣ урядникъ, Егорычъ, рассказываль. А вотъ когда принесли портреть въ посольство, я видѣль. Церемонія была большая: она, вѣдь, у нихъ считается вродѣ бога. Такъ вотъ, эти ее портреты (ихъ восемь штукъ по числу иностранныхъ посольствъ) въ большихъ, желтыхъ рамахъ, каждый на особыхъ носилкахъ, подъ балдахиномъ, несутъ китайскіе солдаты на плечахъ, одежда на нихъ вся красная; предъ каждымъ носилками—зонтъ тоже желтый, а передній зонтъ всѣхъ желтѣе зонтовъ, вродѣ какъ будто съ красною и ручка у того зонта змѣй сдѣлана, такъ-то истово эта змѣя изогнулась, совсѣмъ какъ живая. А впереди ихъ трубы идутъ, барабанщики, всякаго ихняго званія музыканты,

и ведутъ они голосъ протяжный такой, какъ послушаешь, морозъ по спинѣ пробѣгаетъ... А сзади начальство ихнее разное, всё на коняхъ ѣдутъ, два генерала, шапки на нихъ съ павлиньимъ перомъ, а на верху—красный шарикъ. Вотъ подъѣхали къ русскому посольству, лошадей за воротами оставили (я какъ разъ у воротъ стоялъ на подчаскахъ), музыканты выстроились въ два ряда по двору и такой гвалтъ подняли, у-у-у... А носилки съ портретомъ—прямо къ дому господина посланника; господа заслышали, на крыльцо вышли встрѣчать портретъ... Его снимаютъ съ носилокъ, музыканты притихли, а китайцы чиновники (много ихъ тутъ набралось) говорятъ что-то по своему, кланяются, присѣдаютъ. Однимъ словомъ, весь манзовскій ихъ обычай тутъ—налицо.

— А худо ли?

— Ни што, не худо, я только такъ говорю...

И казакъ застѣнчиво покраснѣлъ, спутался, остановился.

Чтобы вывести его изъ неловкаго положенія, я спросилъ казака: какой онъ станицы? какого года присяги? Но отвѣтовъ его не удалось разслышать: поѣздъ подошелъ къ какой-то станціи и въ вагонъ ввалились два нѣмецкихъ солдата, обнявшись другъ съ другомъ и разставивъ локти широко, они развязно проходили по вагону, увлекая за собою все, роняя вещи по сторонамъ и горланя что-то. Надо было подать имъ дорогу, сторониться куда-нибудь подальше отъ середины вагона... Я поспѣшилъ занять свое прежнее мѣсто у окна вагона и сталъ разсѣянно смотрѣть въ него. Между тѣмъ поѣздъ тронулся со станціи и проходилъ по длинному, желѣзному мосту, массивныя формы котораго тихо ползли на встрѣчу поѣзда. Мостъ этотъ велъ черезъ сухое русло какой-то рѣки или канала, на днѣ котораго я замѣтилъ странное явленіе: движущіеся стога сѣна. Ихъ было пять или шесть, они двигались по направленію извилистой тропинки, впереди шелъ китаецъ, и только по взмахамъ его хлыста можно было догадаться о присутствіи здѣсь вьючныхъ животныхъ. Это были ослики, вьюченные сѣномъ по китайскому способу,—сѣно, перевязанное большими пучками, искусно накладывается на спину осликовъ, такъ что свисаетъ далеко въ обѣ стороны и сзади, и лишь спереди остается небольшое окно, въ которое осликъ и слѣдитъ за

дорогой, слѣдуя за своимъ товарищемъ. Китайскій осликъ— кроткое, умное и трудолюбивое животное, онъ везетъ на своей спицѣ перѣдко ношу, которая не по силамъ и хорошей лошади. Такъ нагружается на него сѣна до двадцати пудовъ и его крошечныя ножки несутъ эту ношу, будучи сами не замѣтны для глаза наблюдателя. Покуда я не могъ оторвать глазъ отъ непривычнаго для него явленія и провожалъ долго этотъ оригинальный караванъ, до слуха моего донеслось нѣсколько русскихъ словъ. Это разговаривали между собой двѣ мерлушковые шапки, сидѣвшія отъ меня черезъ двѣ только лавочки. Окинувъ ихъ испытующимъ окомъ, я рѣшилъ (по опыту) не признакомливаться къ нимъ, тѣмъ болѣе, что и они старались не замѣчать меня. Это были господа среднихъ лѣтъ, брюнеты, нѣсколько восточнаго типа. Короткія куртки изъ какого-то необыкновенно толстаго драпа и такіе же брюки, вобранные въ голенища толстой, чуть ли ни воловой, кожи, это былъ ихъ костюмъ. Сколько можно было разслышать, они говорили о китайцахъ, при чемъ одинъ, оживленно жестикулируя пенковой трубкой, доказывалъ другому необходимость скорѣйшаго и окончательнаго „уничтоженія“ желтой расы. Другой, по видимому, соглашался съ нимъ, тихо качая головой и покручивая длинныя усы.

Недалеко уже оставалось до Тяньцзина, шумъ разговоровъ нѣсколько стихъ, по вагону проходилъ контроль: два китайца (типа цивилизованныхъ) и одинъ англичанинъ въ полусолдатской формѣ.

На станціи Тяньцзинъ всѣ засуетились: здѣсь смѣняется вся бригада поѣзда, идетъ пріемка вагоновъ, осмотръ стеколъ (всѣ ли цѣлы?) и почти всѣ пассажиры моего вагона смѣняются другими, очень похожими на первыхъ по національностямъ и по характеру ихъ. Опять по два солдата, опять тюки съ почтой, опять размѣщеніе вещей по лавочкамъ, поталкиваніе въ бокъ китайцевъ и пр. Противъ меня помѣстился китаецъ съ долихоцефалическимъ черепомъ (южанинъ), гладко выбритымъ, на которомъ лишь на затылкѣ торчалъ небольшой клокъ черныхъ волосъ, заплетенныхъ въ смѣшную маленькую косу. Ему предшествовало множество разнообразныхъ вещей, которыя онъ какъ-то умудрился пристроить вблизи себя, вверху, внизу (подъ лавочкой) и

по сторонамъ. Когда этотъ китаецъ устроился, снялъ свою широкорукавку, раскланялся со мной и взялся было уже за свою мѣдную трубку съ кальномъ, въ вагонъ вошелъ новый пассажиръ, европеецъ, лѣтъ пятидесяти, въ старенькомъ пальто кофейнаго цвѣта, нѣсколько измятой шляпѣ и сталь озираться вокругъ, ища мѣста. Видя его нѣкогда лакированные, но теперь потрескавшіяся штилеты, далеко небѣлоснѣжные воротнички сорочки и несвѣже выбритый подбородокъ, я невольно подумалъ: это—русскій, замучить онъ меня выраженіемъ своихъ рѣшительныхъ взглядовъ на Китай и „желтую расу“. Но преодолевъ первый моментъ страха, я предложилъ незнакомцу сѣсть рядомъ со мной, такъ какъ другаго мѣста не было. Не глядя на меня, онъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и благодарности и сказалъ что-то по англійски. Я ободрился: знать это не русскій аферистъ и ѣхать съ нимъ мнѣ будетъ нескучно. Такъ оно и оказалось потомъ, но покуда мой спутникъ дѣлаетъ только тщетныя попытки заговорить со мной по-французски, разстилая по лавочкѣ свое дешевенькое шерстяное одѣяло. По французски я когда-то, лѣтъ двадцать тому назадъ, въ школьные годы могъ сказать нѣсколько фразъ, но теперь, когда пришло время примѣнить знанія на дѣлѣ, ни одно слово не шло на умъ и я лишь покачалъ головой въ знакъ того, что ничего не понимаю. Прошло нѣсколько минутъ молчанія, незнакомецъ обращается ко мнѣ по англійски, но получаетъ въ отвѣтъ то же. Не имѣя никакой практики, я здѣсь растерялъ и свой небогатый лексиконъ англійскихъ словъ. Видя, что разговоръ нашъ не состоится, незнакомецъ вынулъ изъ кармана газету, а я обернулся къ окну посмотреть на удаляющійся уже Тяньцзинь. Китайскаго Тяньцзина вовсе не видно, за то европейскій выдѣляется во всей красѣ, вся набережная рѣки Цѣйхо застроена высокими домами всевозможныхъ архитектуръ. Многіе изъ нихъ увѣнчиваются зубчатыми башнями ввидѣ бастионовъ, флаги всѣхъ націй красиво развѣваются надъ ними, внизу мачты и трубы пароходовъ. Благодаря открытой, ровной мѣстности долго можно любоваться на развернувшуюся панораму сравнительно молодого города, гдѣ нѣсколько сотъ европейскихъ семействъ нашли себѣ второе отечество и съумѣли извлечь изъ этой страны и ея живыхъ силъ такія огромныя богатства.

Но вотъ замелькали заборы, сарай, китайскія лачужки и самыя предмѣстья города скрылись изъ глазъ, пошли луга, деревни, картины сельской жизни. Вотъ въ лужицахъ прозрачной воды, покрытой тонкимъ льдомъ деревенскіе рыболовы дѣлаютъ проруби, запускаютъ сѣти и умудряются тянуть подо льдомъ. Способъ, вѣроятно, часто практикуемый въ зимнее время, такъ какъ выработана и особая одежда и обувь изъ сырой бычачьей шкуры съ деревянной подошвой, усѣянной крупными гвоздями.

Проходившій контроль билетовъ отвлекъ меня отъ окна. Я спросилъ контролера по китайски: на какой станціи будетъ встрѣчный поѣздъ изъ Шанхайгуаня?

Мой сосѣдъ, услышавъ, что я говорю по-китайски, обратился ко мнѣ съ вопросами на чистѣйшемъ пекинскомъ нарѣчьи, освѣдомился о моей національности, лѣтахъ, занятіяхъ, словомъ о всемъ томъ, что принято по китайскому этикету спрашивать у собесѣдника при первомъ съ нимъ знакомствѣ. Передалъ мнѣ свою визитную карточку (у меня съ собою таковой не случилось), просилъ быть знакомымъ, заѣзжать къ нему въ Тяньцзинь. Однимъ словомъ, мы познакомились и не прошло и полчаса, какъ мы уже свободно разговаривали, спрашивая одинъ другаго не только о служебныхъ и общественныхъ дѣлахъ, но и о личныхъ обстоятельствахъ жизни. Мой новый знакомый оказался миссіонеромъ изъ Америки. Онъ въ совершенствѣ владѣлъ китайскимъ языкомъ, выражался на немъ свободно съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей живой китайской рѣчи, поэтому разговаривать съ нимъ для меня было наслажденіемъ. Къ тому же и вопросы были въ высшей степени интересныя, да и личность самого собесѣдника заслуживала изученія.

Двадцати двухъ лѣтъ онъ впервые прибылъ изъ Америки,—его родной городокъ въ 60-ти верстахъ отъ Чикаго. Съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ Китаѣ и лишь дважды пользовался отпускомъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Женатъ, взрослые дѣти его продолжаютъ свое образованіе въ Америкѣ, младшія живутъ съ отцемъ, съ молокомъ матери всасываютъ китайскій языкъ и обычаи, чтобъ на всю жизнь остаться въ Китаѣ. На тысячу рублей ежегоднаго жалованья, получаемыхъ изъ кассы главнаго управленія ихъ Методистской церкви, онъ содержитъ себя и семью, не лишая дѣтей выс-

шаго образованія. Правда въ этомъ ему помогаютъ многочисленныя миссіонерскія общества въ Америкѣ. Методисты имѣютъ большій успѣхъ внутри страны, на югѣ Китая, гдѣ они имѣютъ до семисотъ тысячъ послѣдователей, а въ Чжилійской провинціи ихъ только около пяти тысячъ. Я подробно спрашивалъ его о церковныхъ собраніяхъ методистовъ, о способахъ ихъ пропагандъ, школахъ, лазаретахъ, путешествіяхъ по китайскимъ рѣкамъ. Въ особо устроенныхъ китайскихъ баркасахъ съ закрытыми каютами они на все лѣто, на шесть или восемь мѣсяцевъ, отправляются вверхъ по рѣкамъ, берутъ съ собой и свои семейства, а къ зимѣ возвращаются въ города. Помню, однажды, проходя по французскому мосту въ Тяньцзинѣ я видѣлъ двѣ такихъ лодки, причалившихъ къ берегу какого-то строящагося зданія. Солнце скрывалось за горизонтъ, рѣзкій сѣверный вѣтеръ пронизывалъ до костей. Прохожихъ по мосту не было, лишь часовой, французъ, шагаль назадъ и впередъ, кутаясь въ свой синій плащъ. На берегу среди тесаныхъ камней жалась группа миссіонеровъ, среди нихъ видны были дамы разныхъ лѣтъ, дѣти, всѣ прилично одѣтыя. Они ожидали кого-то. Внизу на лодкахъ китайцы слуги возились съ багажемъ, выгружая его на крутой берегъ. Багажа было много, мебель, стулья, столы, диваны, книги, ящики, чемоданы, все это сгруппировывалось въ большія пирамиды, все это надо было перевозить осторожно. Отъ всей этой сцены вѣяло какой-то грустью, аллегоріей жизни: это тасканіе вещей, эта какъ-бы безпріютность, вѣчное путешествіе куда-то, безучастность людей, смутное представленіе будущаго... На другой день, проходя по тому же мосту, я увидѣлъ тѣ же лодки уже вытянутыми на берегъ и установленными на пучкахъ камыша очевидно на зиму, съ тѣмъ чтобы съ первыми теплыми, весенними днями опять спустить ихъ на воду для новаго путешествія.

Все остальное время дня, покуда мнѣ пришлось ѣхать, я не переставалъ спрашивать своего попутчика и получилъ массу свѣдѣній о Китаѣ, такъ какъ онъ, хотя и мало, сравнительно, путешествовалъ, но по рассказамъ другихъ и изъ докладовъ миссіонеровъ основательно былъ знакомъ съ географіей Китая. Онъ охотно сообщалъ мнѣ свои познанія, толково излагая факты и параллельно дѣлая замѣчанія

практическаго свойства: гдѣ и почему проповѣдь имѣеть успѣхъ и когда бываетъ безуспѣшна. Большое значеніе придаетъ онъ катехизаторамъ изъ туземцевъ, хотя не жалуется ихъ особымъ довѣріемъ, миссіонеръ не можетъ положиться на искренность своихъ желтокожихъ помощниковъ, но долженъ въ своемъ сердцѣ переживать всѣ радости и невзгоды своей маленькой церкви. Всего я теперь не могу припомнить изъ того, что слышалъ, но помню: меня поразило процентное отношеніе проповѣдниковъ къ числу слушателей въ Методистской церкви: у нихъ одинъ проповѣдникъ приходится на восемнадцать обращенныхъ въ христіанство, у насъ же едва ли придется одинъ на сотню. И при такомъ количествѣ людей и при такой массѣ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, при массѣ затрачиваемыхъ матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ, дѣло проповѣди подвигается туго, это по отзывамъ ихъ самихъ. Тутъ воочию зрится превосходство православія надъ другими исповѣданіями. А ихъ теперь такъ много. Сами протестанты жалуется, что постоянно возрастающее количество толковъ и сектъ сильно тормозитъ дѣло ихъ среди китайцевъ. Къ тому же теперь трудно находить мѣста и въ Китаѣ, гдѣ бы ученіе христіанское въ какой либо формѣ не проповѣдывалось, и если громадное большинство китайцевъ еще коснѣются въ язычествѣ, то это свидѣтельствуетъ скорѣе о нежеланіи ихъ принять проповѣдь, особенно когда ученіе христіанства предлагается имъ въ различныхъ до противоположности формахъ. Здѣсь къ слову сказать, личность миссіонера, его поведеніе играетъ большую роль, при чемъ кромѣ общечеловѣческаго критерія порядочности трезваго и честнаго человека, язычники прилагаютъ свой критерій, знаніе приличій и обращенія съ ними, и все это требуется для успѣха дѣла проповѣди. Мой собесѣдникъ, казалось, удовлетворялъ всѣмъ этимъ требованіямъ съ избыткомъ. Выдержанность его манеръ, интонаціи голоса, поступи и осанки не оставляла желать ничего лучшаго. Умѣнье вести разговоръ просто, но съ достоинствомъ, при томъ избѣгая національныхъ и политическихъ вопросовъ, напр. о нашей несчастной войнѣ, скромно тихая рѣчь съ внятнымъ произношеніемъ cadaго слова,—все это располагало въ пользу моего собесѣдника.

Время шло незамѣтно и приблизилось къ 12-ти часамъ дня т. е. къ завтраку.

Вся европейская часть публики вагона принялась за завтракъ, появилась ветчина, колбасы, консервы, солдаты палашами рѣзали все это и ѣли, впрочемъ съѣдено было не такъ много, какъ выпито. Общество вскорѣ сдѣлалось шумнымъ, произносились тосты, кричали ура. Мой сосѣдь тоже собирался завтракать, онъ досталъ жестяную продолговатую коробку, въ которыхъ обыкновенно продаются англійскіе чайные сухари. Тамъ оказались тщательно обернутыми въ папиросную бумагу нѣсколько бисквитовъ съ вложенными въ нихъ кусочками мяса, икра, половинка ципленка, еще что-то и два яблока. Я отказался отъ предложенія раздѣлить съ нимъ завтракъ, такъ какъ не задолго предъ тѣмъ закусилъ сытнаго монастырскаго хлѣба, но отъ яблока не могъ отказаться,—это было американское яблоко, красное, сочное, пріятно кисловатаго вкуса. Миссіонеръ сообщилъ мнѣ при этомъ, что вино и фрукты они выписываютъ изъ Америки, что лучшія вина—калифорпскія, что тамъ масса виноградниковъ, что доставка оттуда въ Китай этихъ продуктовъ (и винограда) теперь стоитъ пустяки. Я полюбостествовалъ узнать,—кто ему такъ заботливо приготовилъ завтракъ?

— Это моя старшая дочь, сказала онъ, она недавно вернулась изъ Америки, гдѣ окончила медицинскіе курсы. Теперь занимается на кухнѣ, учится готовить, но надо правду сказать, прибавилъ онъ съ усмѣшкой, что игра на піанино и живопись маслянными красками ей удаются лучше, чѣмъ бульѣны и паштеты.

Откушавъ свой завтракъ, онъ аккуратно убралъ въ коробку оберточную бумагу и все оставшееся, отнюдь не бросая на полъ объѣдковъ, какъ это принято обычаями вагоновъ 2-го класса, и, доставъ изъ-подъ лавочки чемоданъ, холщевой, отъ ветхости утратившій первоначальный свой цвѣтъ и форму, положилъ въ него коробку, а взялъ номеръ журнала. Это былъ миссіонерскій журналъ на англійскомъ языкѣ съ прекрасными рисунками. На первомъ листѣ помѣщенъ былъ портретъ пожилого господина съ сѣдыми бакенами въ очкахъ и цилиндрѣ.

— Это портретъ директора той семинаріи, въ которой я

учился. Три года тому назадъ онъ прїѣзжалъ на открытіе нашего госпиталя въ Пекинѣ, теперь онъ уже умеръ, тутъ вотъ приложенъ и некрологъ.

Дальше слѣдовали снимки съ какихъ-то зданій, еще портреты меньшихъ размѣровъ. Картинъ было много,—виды городовъ,—разсматривая ихъ, мы не замѣтили, какъ сзади насъ собралось нѣсколько китайцевъ. Всѣ они смотрѣли рисунки и просили сообщить имъ что-нибудь изъ содержанія журнала. Миссіонеръ обѣщалъ рассказать имъ что-либо изъ прочитаннаго и, когда сталъ пробѣгать страницы глазами, я оглянулся назадъ въ сторону вагона, тамъ происходило нѣчто невыразимое: какой-то хаосъ движеній и звуковъ. Сильно подпившіе солдаты потѣшали себя разными забавами. Французы наряжали китайченка въ мундиръ и феску итальянца, при чемъ истерически смѣялись; итальянцы, держа другъ друга за воротъ, горланили какую-то серенаду, кто-то взбирался по желѣзной колонкѣ подъ крышу вагона, два нѣмца дрессировали собаку, заставляя ее прыгать въ кольцо, образуемое руками человѣка, наклонившагося до земли, собака визжала, бросалась изъ стороны въ сторону и наконецъ прыгала черезъ кольцо, общій крикъ, апплодисменты... Только индѣйцы вели себя спокойно въ своемъ углу. Одинъ читалъ нарисѣвъ коранъ по книгѣ лондонскаго изданія, другіе двое дремали подъ это монотонное чтеніе, подперши локтями свои тяжелыя челмы. Китайцамъ наскучило смотрѣть на забавы пьяныхъ европейскихъ солдатъ и они почти всѣ сбились вокругъ миссіонера. А тотъ рассказаль имъ два, только что прочитанные имъ случаи проявленія душевной жизни въ человѣкѣ и животномъ. Первый изъ нихъ имѣлъ мѣсто въ одномъ изъ портовыхъ городовъ Англіи. Одинъ молодой человѣкъ съ двумя своими родственницами вздумалъ покататься въ лодкѣ. Дѣло было въ праздникъ. Наняли шлюпку и одного гребца, такъ какъ шлюпка не могла вмѣщать болѣе четырехъ человѣкъ. Молодой человѣкъ взялся за весла и такъ они отплыли далеко отъ берега. Поднялся вѣтеръ и сталъ увлекать шлюпку въ море, надо было ворочаться назадъ, но когда волны усилились, то оказалась течъ въ шлюпкѣ, она стала наполняться водой, а удалять воду было нечѣмъ. Молодой человѣкъ усталъ грести, такъ какъ не имѣлъ къ

тому навыка. Онъ передалъ весла лодочнику, а самъ принялся шляпой вычерпывать воду, но видя, что до берега остается еще далеко, а шляпку облегчить нечѣмъ, онъ рѣшился броситься самъ въ воду и утонуть, а благодаря этому его родственницы благополучно достигли берега. Въ другомъ разказѣ фигурировалъ путешественникъ, проѣзжавшій черезъ Венецію и остановившійся тамъ въ одной гостинницѣ. У него была собака, которую онъ по нечаянности заперъ въ своемъ номерѣ и вспомнилъ про нее лишь въ поѣздѣ, мчавшемъ его въ Туринъ. Хозяинъ гостинницы лично зналъ путешественника и его привязанность къ собакѣ, потому рѣшилъ соблюсти ее въ надеждѣ на скорое возвращеніе его. Но тотъ, погоревавъ немного, забылъ о собакѣ и лишь черезъ два года случайно заѣхалъ въ Венецію и остановился въ той самой гостинницѣ. Проходя по корридору, онъ услышалъ лай собаки; лай показался ему знакомымъ. Онъ долго припоминалъ, но не могъ вспомнить случая съ его собакой. Когда открыли дверь, собака бросилась къ своему хозяину, котораго она узнала даже не видя, лишь по звукамъ его шаговъ въ корридорѣ гостинницы.

Китайцы внимательно выслушали оба разказа и переглядывались между собой, какъ-бы недоумѣвая,—зачѣмъ такія неважныя вещи печатаются въ журналахъ? Они, видимо, ожидали услышать что-нибудь болѣе серьезное или практически полезное. Тогда миссіонеръ предложилъ правоученіе по поводу этихъ разказовъ. Указалъ въ первомъ на самоотверженность молодаго человѣка, а во второмъ на чувство благодарности (или привязанности) въ животномъ, на чувство, которое и въ человѣкѣ не всегда усматривается въ такой степени. Но китайцы и этимъ не удовлетворились, они продолжали стоя ожидать, что будетъ дальше? о чемъ мы будемъ говорить? Тогда миссіонеръ опять открылъ свой чемоданчикъ, гдѣ, кромѣ нѣсколькихъ газетъ на англійскомъ и китайскомъ языкахъ, лежало еще два томика новыхъ, неразрѣзанныхъ и два экземпляра библии на китайскомъ языкѣ. Онъ взялъ одну изъ нихъ и раскрывъ, сталъ читать изъ новаго завѣта о бракѣ въ Канѣ галилейской. Читалъ онъ свободно, безъ запинки, читалъ и пояснялъ не совсѣмъ понятныя іероглифы. Мораль, выведенная имъ изъ евангельскаго повѣствованія, сводилась къ тому заключе-

нію, что Христось можетъ и наши прѣсныя, какъ вода, тепло - хладныя сердца превратить въ крѣпкое, здоровое вино посредствомъ переливанія себялюбиваго язычества въ сосуды (въ формы) общительности и любви христіанскихъ обществъ. Мысль эту онъ долго не оставлялъ, приводя примѣры благоустроенности китайскихъ христіанскихъ обществъ и много говоря о пользѣ европейскаго просвѣщенія. Это была его стихія, тутъ онъ жилъ, и могъ говорить безъ конца. Говорилъ такъ ясно, поясняя все примѣрами, такъ увлекательно, но вотъ одинъ изъ китайцевъ зѣвнулъ, а за за нимъ и другіе: зѣвота стала одолевать ими, и они одинъ по одному стали отходить въ стороны... Да, дѣло идетъ туго, подумалъ я.

Между тѣмъ приближалось время намъ разстаться, мой попутчикъ ѣхалъ въ Чанъ-ли (городъ грушъ) и зубчатая стѣна городка отчетливо выдѣлялись на голубомъ фонѣ горъ. Здѣсь у него живетъ два товарища по службѣ, у которыхъ онъ погоститъ сутки, а затѣмъ отправится дальше, въ горы, гдѣ по его мнѣнію можетъ быть успѣхъ въ проповѣди среди простыхъ поселянъ.

Мы разстались какъ будто были вѣкъ знакомы. Онъ родился въ Чикаго, я въ Донской области, но какъ хорошо провели мы вмѣстѣ эту дорогу, часовъ пять или шесть времени!..

А. А.
